

О КРИЗИСЕ СОВРЕМЕННОЙ ВУЗОВСКОЙ ФИЛОСОФИИ (Вопросы к профессору В.Н. Порусу от Ю.М. Резника; 24.03.20 г.)

1. Владимир Натанович! Давайте начнем с разминки. Можно предположить, что философы очень условно делятся на тех, кто сам придумывает что-то, высказывает и обосновывает собственные идеи, и тех, кто пересказывает чужие идеи, интерпретируя их содержание по-своему. Наверное, есть и третья, четвертая и прочие категории. К кому Вы сами себя относите?

2. Как Вы определяете кризис философии в целом и кризис вузовской философии, в частности? Каковы их явные, а главное – неявные, латентные черты, с одной стороны, пути выхода, с другой стороны? Связан ли этот кризис с кризисом российского общества? Отчасти Вы даете ответ на мои вопросы в своей статье «О кризисе вузовской философии». «Одной из главных причин кризиса является ложное понимание роли и ценности философии, ее культуротворческой функции... Шанс на выход из кризиса – осознание властной элитой своей культурной миссии и привлечение ею к сотрудничеству (предполагающему диалог и взаимопонимание) здоровых, творческих сил философского и научного сообщества России. В связи с тем, что было сказано выше, шанс небольшой. Но если он будет упущен, кризис может стать необратимым» [1, 119].

Но всё ли дело состоит в осознании кризиса властью? Ведь Вы сами говорите о негативном отношении электората к философии. Получается, что философия не нужна всему обществу или, по крайней мере, его большей части, которая участвует в «демократических выборах» и поддерживает нынешнюю власть.

3. С чем Вы связываете непосредственно катастрофическое положение российских вузов и философской составляющей высшего образования, в частности? С плохим качеством учебников по философии, с трудностями убедить студентов или аспирантов в необходимости такой дисциплины, как философия? Но почему Вы не называете глубинных причин, коренящихся в сознании и социальных практиках многих людей. И всё же ради справедливости надо признать, что Вы указываете на неосознанность назначения философии у властвующей элиты и её культуротворческую роль. Но разве это может служить достаточным основанием?

4. Вы утверждаете, что по Вашему опыту большинство студентов не видят в философии «практической пользы». Вы сетуете на тот факт, что философы не находят практического применения философии и не увязывают её положения с практическими интересами людей, в т.ч. не используют их «при разработке социальных проектов или выработке политических программ, при определении перспектив и приоритетов социального или

технологического развития» [1, 116]. Отсюда Вы делаете следующий вывод: «философия как бы поставлена в положение плохо успевающего студента: она должна сдавать и пересдавать экзамен на свою уместность в ряду вузовских дисциплин, выступая при этом заведомым аутсайдером» [1, 116].

Я думаю, что Вы несколько преувеличиваете негативный образ философии в глазах образовательного сообщества. Недавно в Институте философии РАН провели конкурс работ на тему «О пользе и вреде философии». Любопытные были эссе. Советую познакомиться (см. прим. 1). Это как раз мнение с другой стороны – со стороны преподавателей философии.

Катастрофическое положение переживает сегодня не только философия, но и все социально-гуманитарные дисциплины, в т.ч. история, культурология, социология и пр., обладающие мировоззренческим статусом. Возможно, исключение составляют политология и экономика, и то далеко не во всех случаях. А вот философию сопоставлять с математикой или информатикой вряд ли стоит. У них, как Вам известно не хуже меня, совершенно разные предметные области.

5. Несколько слов о пользе философии. По этому поводу Вы утверждаете следующее: «Она – *необходимая и ничем* (ни менеджментом, ни патентным правом) *не заменимая часть культуры*, без которой грош цена высшему образованию. Философия позволяет *индивиду* ориентироваться в пространстве *всеобщих культурных ценностей*. Она дает *специалисту* возможность осознать *человеческий* смысл его профессиональной деятельности. Она открывает *человеку* бесконечный путь к самопознанию» [1, 117].

Кто-то другой, но не я, мог бы усомниться в нарисованном Вами образе философии. Слишком общими и расплывчатыми представляются такие доводы. Но я согласен с Вами в том, что философия служит культурным целям образования и общества в целом. И всё же не могли бы Вы уточнить своё понимание пользы философии? Разумеется, кроме её культуротворческой роли и помощи, которую она может оказать человеку в самопознании.

6. Следующая тема нашей беседы – «Философия и власть». Вы пишете, что культурные цели общества определяет властная элита, начиная с князя Владимира, Петра Великого и т.д. А значит именно она определяет пользу философии для общества [1, 117]. Вопрос лишь в том, насколько культурна сама элита. Другими словами, культурные цели общества и образования, в частности, зависят от культурного уровня власти имущих. А с последним у нас в стране дела обстоят не лучшим образом.

Можно также предположить, что нынешняя российская власть руководствуется западными (либеральными по сути) стандартами образования. Однако на практике всё происходит иначе. Как всегда вмешивает фактор «национальной специфики». Фактически идет тотальная бюрократическая

зачистка науки и бюрократическая регламентация образовательного процесса.

Вы справедливо соглашаетесь с В.В. Мироновым в том, что лишь та философия, которая служит идеологии, полезна власти. Она «дает определенные гарантии лояльности “идеологизированного субъекта” и тогда, когда он остается без “присмотра”, то есть вне непосредственного контроля за своим поведением» [1, 117]. А что же тогда делать нынешним философам, когда господство единой идеологии отменено на конституционном уровне, а на деле суррогатная идеология продолжает существовать? Вы же сами утверждаете, что «сама природа философии противится такому ее сугубо прагматическому предназначению. Покуда жива, она имманентной логикой своего развития рвет идеологические путы и выпархивает из золоченой клетки» [1, 118].

Но мы же с Вами прекрасно понимаем, что идеология никуда не исчезает и полностью «деидеологизированного общества» не существует. А значит философия, несмотря на свою тягу к автономии и свободе мысли, вынуждена образовывать с ней альянс. Может быть все беды вузовской и академической философии как раз и заключаются в том, что мы, философы плохо служим завуалированной идеологии нынешней власти? И у этой «примитивной» идеологии есть название – личное обогащение посредством криминального по сути стяжательства и циничного разбазаривания народного благосостояния.

Вы, Владимир Натанович, сетуете также на то, что нынешние философы плохо приспособлены к работе в качестве политических технологов. И тут же заявляете, что «философия заподозрена – не без оснований! – в том, что она является источником инакомыслия, разрушает “имиджи” и “харизмы”, иммунизирует сознание против манипуляций» [1, 118]. Отсюда Вы делаете очередной вывод: «Философы теперь не нужны власти» [1, 118]. Помоему Вы идеализируете ситуацию. Далекое не все философы ей не нужны. Ей не нужны как раз философы с четкой идеологической позицией, противоречащей идеологии властвующей элиты. Однако есть такие, которые смогли приспособиться к режиму и даже извлекают выгоду из сотрудничества с ним. Но, наверное, им Вы отказываете в звании «философ».

Честно говоря, я не вижу опасности в том, чтобы философы участвовали в выработке стратегического курса развития страны. И без идеологии здесь не обойтись. Сегодняшние поправки в Конституцию РФ лишь подтверждают это. А Вы как считаете?

7. Теперь о профессионалах в философии. Надо признать, что большинство докторов и кандидатов философских наук не имеют базового (философского) образования. Такую ситуацию невозможно себе представить, например, в медицине. И кого следует считать в этом случае профессионалом? Человека, который преподает философию или проводит исследования,

выпускает монографии? Или того, кто пользуется признанием, имеет высокий научный рейтинг? В любом случае речь идёт о тех, кто освоил основной багаж философской мысли и владеет навыками философствования.

Какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать профессиональный философ? И почему Вы решили, что если философия не является служанкой идеологии, то за профессиональный труд власть будет платить философам достойную зарплату? Лично у меня такой уверенности нет, в т.ч. по причине чрезмерной формализации результатов публикационной активности ученых и её ориентации на выхолощенные отечественной бюрократией западные стандарты.

8. В заключение хочу обсудить предлагаемый Вами план выхода вузовской философии из кризиса. Во-первых, Вы настаиваете на выработке единой позиции всех деятелей культуры, включая философов, в обосновании необходимости философии как феномена культуры. Это следует учесть, на Ваш взгляд, в реформе высшего образования. Во-вторых, Вы считаете, что все «решения... должны быть направлены на повышение профессионального уровня преподавателей философских дисциплин в вузах России» [1, 119]. Для этой цели необходимо усилить работу институтов повышения квалификации. И в ней должны принять участие Минобрнауки, академические структуры и Российское философское общество. Полагаю, что Ваше предложение возродить «летние философские школы» и продолжить конкурсы на лучшие учебники нужно поддержать. Этим как раз и занимается сейчас РФО. В-третьих, по Вашему мнению, следует поддержать преподавателей философии, получающих мизерную зарплату, и вернуть им человеческое достоинство. В-четвертых, Вы правомерно полагаете, что нужно развивать новые методы и средства преподавания философии с использованием сетевых технологий.

С тех пор, как Вы сформулировали эти предложения, прошло много времени, почти 17 лет и положение философии в образовании значительно ухудшилось. Тогда Вы не могли учесть фактор существенного сокращения философских кафедр и корпуса преподавателей философии. Вы не могли также знать, что околотовузская бюрократия введет жесткие параметры оценки научной и публикационной активности российских философов и других гуманитариев по формальным лекалам. Теперь нас оценивают по валовому продукту, а не по качеству исследований и преподавания. Нас загнали в узкие формальные рамки, увеличивая ежегодно объем отчетности. Кроме того, преподавателям философии продолжают наращивать учебную и научную нагрузку. Моральная обстановка в вузах продолжает ухудшаться, а личное достоинство философов и других преподавателей попирается. Последних низвели к положению рядовых исполнителей чужой воли.

Что же изменилось, на Ваш взгляд, в положении современной вузовской философии России?

9. Владимир Натанович! Недавно на страницах журнала «Личность. Культура. Общество» мы опубликовали дискуссию на тему «Отечественная философия: люди, система идей и институты». В ней приняли участие многие известные философы. Я переслал Вам её материалы для ознакомления.

Интересно, а что Вы думаете по всем вопросам вышеупомянутой дискуссии? Приведу их конкретные формулировки.

9.1. Можете ли Вы назвать пять крупнейших российских философов мирового уровня, сопоставимых с именами Декарта, Канта, Ницше, Хайдеггера, Делёза, Фуко или хотя бы приближающихся к ним по масштабу мысли? Если нет, то что мешает им появиться? Или мы живём в век медийных персонажей и коллективных идеологических машин? И времена великих гениев ушли? Или этих гениев делают только их последователи, и то спустя много десятилетий после их ухода из жизни?

9.2. Бытует мнение, что философия – это то, чем занимаются философы. Но то, чем они занимаются, можно назвать производством идей, концептов и конструктов, описывающих и объясняющих мир сквозь призму всеобщего. Так считают многие исследователи, хотя далеко не все из них. Насколько, на Ваш взгляд, применим парадигмальный подход к развитию отечественной философии? Другими словами, существуют ли в ней парадигмы как способы постановки и решения проблем? Или речь идёт о крупных исследовательских программах, которые объединяют сторонников базовых идей, делая их единомышленниками и соратниками? Что лучше использовать в качестве критерия выделения основных направлений развития философской мысли в России – парадигмы или программы? Что ещё, укажите.

9.3. Можно ли рассматривать философию с точки зрения устоявшейся социальной формы как институт и описывать её статус в институциональных терминах? Если да, то каковы институциональные признаки российской философии? Или такое понимание применимо лишь к оценке развития западной философии? Может быть, философия должна оставаться уделом мыслителей-одиночек? И из неё не надо делать некий институт, превращать в учреждение или учебную дисциплину в угоду научным функционерам?

9.4. Имеется ли в России полноценное философское сообщество с разветвлённой сетью институций, международных связей и выраженной структурой лидерства? Если да, то каковы его признаки? Если нет, то что мешает ему состояться в наших условиях? Считаете ли Вы, что в нашем философском сообществе более выражено, чем на Западе, деление на «центр» и «периферию»? Что отличает «периферийную» философию? И являются ли на самом деле Москва и Санкт-Петербург, где сосредоточено большинство специалистов по философии, центрами отечественной философской мысли?

9.5. Известны ли Вам философские школы в России, понимаемые как устойчивые институции со своими традициями, основателями, научными изданиями, системой подготовки кадров и т.д.? Насколько применима к нам

классическая схема лидерства в науке «учитель – ученик»? При этом философской школе присваивается имя её создателя (например, Школа Платона). Или Вы считаете, что у отечественной философии может быть много лидеров и анонимных центров философской мысли, конкурирующих друг с другом на парадигмальном уровне?

9.6. Как Вы относитесь к такой институциональной форме, как Российское философское общество (РФО)? Считаете ли Вы достаточным для его деятельности издание Вестника РФО и проведение Российского философского конгресса? И что мешает последнему быть событием мирового или хотя бы национального масштаба?

9.7. В чём Вы видите необходимость сохранения обязательного преподавания философии в университетах страны? Если это необходимо, то зачем? Если нет, то в каком виде философия должна присутствовать в современных университетах? Что делать с тем, что в случае отрицательного решения будут упразднены кафедры философии в отечественных вузах и останутся безработными тысячи преподавателей философии? Ведь философам, чтобы выжить, придётся поменять род своей профессиональной деятельности. А ведь для них это смысложизненный и судьбоносный вопрос.

9.8. Как Вы относитесь к нынешней системе научного рейтинга в России (показатели РИНЦ и пр.)? Насколько она позволяет зафиксировать личный вклад того или иного исследователя в развитие философии и науки? Каким бы был, на Ваш взгляд, индекс Хирша у М. Хайдеггера, если бы он сейчас был жив? Измерим ли в принципе масштаб деятельности философа?

В своих комментариях на эти вопросы я, в частности, отметил:

«Большинство экспертов объясняет наличие деления на “центр” и “периферию” исключительно институциональной слабостью отечественной философии. Нетривиальные авторы есть везде, а вот в столицах сконцентрирована основная масса философов, как бы мы не относились к их теоретическому уровню. Кстати, это подтверждается данными РИНЦ: подавляющая часть наиболее цитируемых авторов (более 300) проживает в Москве; дальше можно выделить несколько зон активности в других мегаполисах страны» [2, 190].

Многие из экспертов признают «существование философских школ или центров в современной России, хотя они едины лишь в оценке лидеров философии советского периода (Бахтина, Ильенкова и др.). Что же касается современного этапа развития российской философии, то здесь можно говорить о наличии признанных центров философских исследований, связанных с известными именами или учреждениями» [2, 191-192].

«Чтобы снять некоторые формальные ограничения в деятельности руководящих органов РФО, необходимо, на мой взгляд, делегировать часть их полномочий наиболее авторитетным исследователям и создать с их участием Экспертный совет РФО, которому следует поручить проведение оценки научной активности региональных центров философии и отбор докладчиков на очередной Конгресс. Одной из текущих задач Совета я считаю

регулярное составление комплексного научного рейтинга российских философов» [2, 192].

«В целом проблема статуса преподавания философии как обязательной или факультативной дисциплины не отменяет ещё одну проблему – поиск адекватной модели преподавания. На сегодняшний день сложились две основные модели преподавания в образовательных учреждениях: «философия как история философии», дающая представления о системе философских учений прошлого и современности, и «философия как базовая, мировоззренческая дисциплина», которая учит слушателей отвечать на «вечные» вопросы.

Выбор же модели зависит от того, в какой мере или насколько в практике преподавания соблюдаются требования госстандарта, примерная программа которого представляет собой «сборную солянку», включающую несколько разделов: введение (предмет и функции философии), история философии (от античности до наших дней), основные проблемы философии (онтология как учение о бытии, теория познания, философия духовной жизни, философская антропология и аксиология, социальная философия).

Что же касается форм преподавания, то сегодня рекомендована интерактивная форма, предполагающая диалог между преподавателями и слушателями, а также участие последних в разработке индивидуальных проектов. А это зависит уже от педагогического мастерства преподавателя философии и от уровня подготовки самих слушателей. Очевидно, что творческой работе последних должно предшествовать знакомство с философским наследием и изучение основных философских понятий, иначе их полноценное участие в дискуссиях будет крайне сомнительным. Ведь философия, как отмечали многие эксперты, – это, прежде всего, особый язык и соответствующее ему понятийное мышление. И этому нельзя научиться самостоятельно. Так что схема «учитель – ученик» не потеряла своего значения и в наши дни» [2, 192].

«Как бы мы не относились к рейтингу, философия, как часть государственного института науки и образования, не может находиться вне системы формальных показателей, которые влияют на отчетность научных и образовательных учреждений. Дело не только в том, что рейтинг не отражает реального положений вещей в философском сообществе и зачастую свидетельствует о публикационной активности автора, а не о его влиянии на философскую мысль. Нашей бюрократии нужны сопоставимые данные для оценки результатов исследований, как индивидуальных, так и коллективных» [2, 195].

Вот лишь некоторые мои суждения на этот счет. Ваши же ответы на эти вопросы я прошу дать в письменном виде. Они будут обязательно опубликованы в нашем журнале как дополнение к беседе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порус В.Н. О кризисе вузовской философии // Высшее образование в России. 2003. № 3. – С. 114-120.

2. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты (С.С. Аванесов, А.М. Бекарев, Ф.И. Гиренок, П.С. Гуревич, И.И. Докучаев, И.Т. Касавин, С.В. Комаров, В.А. Конев, А.А. Кузьмин, А.Л. Никифоров, А.М. Орехов, К.С. Пигров, М.А. Пронин, В.И. Разумов, Ю.М. Резник, В.М. Розин, О.А. Скоркин, И.П. Смирнов, С.А. Смирнов, Г.Л. Тульчинский, В.Н. Щербина) // Личность. Культура. Общество. 2017. Том XIX. Вып. 3-4. – С. 131-198.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: <https://iphras.ru/concurs2019.htm>.